

УДК 821.161.1-1Бродский«19»

Светлана Фокина

МИФ О ДИДОНЕ КАК СМЫСЛОВОЙ ЦЕНТР КОНЦЕПТА «ГОРЕНИЕ» В ОДНОИМЕННОМ ЛИРИЧЕСКОМ ПОСЛАНИИ И. БРОДСКОГО

В статье исследовательский поиск направлен на осмысление самобытности бродсковского концепта «горение» в одноименном стихотворении поэта 1981 года. Проанализированы контекстные, подтекстовые и интертекстуальные уровни лирического послания И. Бродского. Осмыслено включение мифа о Дидоне в семантическое поле концепта. Представлено прочтение авторских коннотаций в интерпретации мифологеми Дидоны в тексте «Горения».

Ключевые слова: концепт, мифологема, смысловой центр, контекст, подтекст, интертекст, Дидона.

У статті дослідницький пошук спрямовано на осмислення самобутності бродковського концепту «горіння» в однойменному вірші поета 1981 року. Проаналізовані контекстні, підтекстові та інтертекстуальні рівні ліричного послання І. Бродського. Осмислено включення міфу про Дідоно до семантичного поля концепту. Представлено прочитання авторських коннотацій в інтерпретації міфологеми Дідоно в тексті «Горіння».

Ключові слова: концепт, міфологема, смисловий центр, контекст, підтекст, інтертекст, Дідоно.

In the article is directed the research search to on the comprehension originality of concept «burning» of J. Brodsky in the same name poem of 1981.

In the research project are analysed context, subtext and intertextual levels of lyric message of J. Brodsky. It is intelligent plugging of myth about Dido in the semantic field of concept. It is presented reading of authorial connotations in interpretation of Dido mytheme in «Burning».

Key words: concept, mytheme, semantic center, context, subtext, intertextuality, Dido.

Обращаясь к прочтению стихотворения И. Бродского «Горение» (1981), исследователь сталкивается с противоречивой ситуацией изученности данного текста. Бродсковеды признают «Горение» одним из лучших образцов любовной лирики поэта. Среди заслуживающих внимания полноценный работ литературоведов, обращенных к изучению художественной специфики «Горения» следует назвать, прежде всего, статьи И. Шайтанова [20] и И. Бобяковой [2].

И. Бобякова утверждает, что разворачивающаяся бродсковская метафора, выступающая призмой мировидения, позволяет в конечном итоге «обозреть с более дальней дистанции все человечество, заметить его общую историю, судьбу, цикличность всего происходящего в мироздании» [2, с. 63].

По мысли И. Шайтанова, «Горение» является текстом, который «одни числят среди лучших созданий Бродского <...> другие отшатываются как от богохульного, который в любом случае является одним из наиболее «метафизических» у поэта» [20, с. 265]. Действительно, отзывы современников были как восторженные, так и негативные.

При столь неоднозначных оценках стихотворения, по сути повышающих читательский интерес, перспектива включения «Горения» в научный поиск не была в полной мере реализована в работах ведущих бродсковедов: В. Полухиной [14], Л. Лосева [11], А. Ранчина [16], Е. Петрушанской [12], Д. Чернявской [19] и др. Несмотря на стратегии истолкования «Горения», предложенные И. Шайтановым и И. Бобяковой, данный текст заслуживает пристального внимания. Явно неисследованной в стихотворении И. Бродского «Горение» (1981) остается мифологема Дидоны, скрытая в подтексте, выявление которой открывает новые грани смыслового потенциала произведения.

Цель данной статьи — анализ концепта «горение» в соотношении с авторской интерпретацией И. Бродским мифа о Дидоне в подтексте лирического послания «Горение».

В соответствии с заявленной целью намечены следующие задачи: 1) выявить в стихотворении интертекстуальные отсылки к дидонову мифу; 2) осмыслить значение мифа о карфагенской царице как смыслового центра концепта «горение»; 3) интерпретировать ментальные показатели, определяющие в поэтическом мире И. Бродского семантические и символические коннотации концепта «горение».

Хрестоматийным для понимания терминологической специфики концепта стало акцентирование двух доминант, соотносящих принципы концептуализации с ментальными и

культурологическими процессами. Так Е. С. Кубрякова, подчеркивая смыслопорождающие потенции, определяет концепт как «некий отдельный смысл <...> у нас в сознании» [9, с. 316]. Для Ю. С. Степанова более приоритетно положение: концепт — «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [17, с. 43]. В рецепции Д. С. Лихачева концепт соотносится с «ограничениями, определяемыми контекстом» [10, с. 153] особенно в научном и поэтическом дискурсе. При этом Д. С. Лихачев настаивает на важности перспективы домысливания концепта, что «расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества» [10, с. 152]. Положение Д. С. Лихачева свидетельствует о возможности актуализации различных смысловых центров того или иного концепта в зависимости от контекста. Показательно и утверждение Ю. Е. Прохорова, что концепт являет «совокупность неконечного числа мифов, неконечного числа символов и неконечного числа знаков» [15, с. 46]. Так контекст может прояснить скрытые коды, мифологемы, подтексты и интертексты и задать направление интерпретации концепта художника слова для исследователя.

Тема огня главная в тексте «Горения». Именно в пламени воскресает женский образ, отличающийся пассионарностью и отсылающий к биографическому прототипу — возлюбленной И. Бродского Марине (Марианне) Басмановой, которой и посвящено стихотворение.

Согласно утверждению Л. Лосева, «стихи, посвященные «М. Б.», центральны в лирике Бродского», более того, «вложенный в них духовный опыт» стал «тем горнилом, в котором выплавилась <...> поэтическая личность» их автора [11, с. 72—73]. Для «Новых стансов к Августе», адресат которых М. Басманова, характерны принципы организации, верно подмеченные Д. Чернявской: «трагическая история накладывается на <...> личную судьбу — разлуку с возлюбленной, несложившееся счастье <...> надрыв ...» [19, с. 142].

Не менее характерно и замечание Л. Лосева о том, что в восприятии И. Бродского его подруга Марина Басманова представала «воплощением ренессансных дев Кранаха (в частности, он имел в виду эрмитажную «Венеру с яблоками»)» [11, с. 72—73]. Показательна установка сознания И. Бродского подыскивать для своей возлюбленной ипостаси в культуре. Такая мифологизация, проявившаяся вначале на уровне восприятия «другого», впоследствии стала важной частью бродсковского мифа в целом и непосредственно лирики, обращенной к М. Басмановой.

В «Горении» воспоминания, вызванные созерцанием огня, усложняются включением смысловых пластов личной биографии автора, а также различными интертекстами и мифологемами, возникновение которых определяется символикой огня.

В осмыслении Г. Башляра «огонь представляется носителем одной из наиболее таинственных, трудно определяемых, а значит, самых удивительных ценностей» [1, с. 156]. Огонь, будучи традиционно мужской стихией, в лирическом послании И. Бродского связывается с неиствующим женским началом. Именно огненная стихия воссоединяет коммуникантов, являя перед лирическим героем женский образ.

Тема огня и сгорания интертекстуально отсылает к мифологеме Дидоны, не пережившей разлуки с Энеем и сжегшей себя на костре. Миф о Дидоне в стихотворении «Горение» наиболее завуалированный. Дидона, прямо не будучи названной, предстает центральной ипостасью женского образа. Умалчивание и неназывание активизируют важность ее неявного, мерцающего присутствия и соотношения лирического героя, синонимичного автору, с Энеем. Ипостась Дидоны, обретаемая женским образом, соотносит мотив любовной разлуки и тему пламени. Дидонов миф и коды, с ним связанные, принципиально важны для прочтения смысловых оттенков лирического послания и метафоры огня, как ядра концепта «горение».

Подтверждением скрытого в тексте И. Бродского кода Дидоны становится метаописательный характер энеевого мифа для биографии самого поэта. Е. Петрушанская уверена, что «ключом Энея» открываются скрытые смыслы некоторых поздних стихотворений» [12, с. 138] лирической системы И. Бродского. Перспективным представляется для прочтения авторских коннотаций поэта «пунктирно прочертить линию такой «энеиды», начиная с «Дидоны и Энея» [12, с. 138]. При этом в поле бродсковской «энеиды» исследовательница не включает «Горение», не

усматривая в подтексте миф о Дидоне.

Дидона и Эней появляются в лирике поэта начиная с 1969 года («Дидона и Эней» 1969, «Декабрь во Флоренции» 1976, «Памяти Н. Н.» 1992, «Искья в октябре» 1993). Для И. Бродского принципиально и ахматовское истолкование дидоновой темы. Более того, в его ментальном универсуме сама Анна Ахматова становится одним из новых воплощений Дидоны, чему способствовало и ее творчество, в частности цикл «Шиповник цветет».

В одном из своих интервью И. Бродский рассказал о тех факторах, которые способствовали созданию в 1969 году «Дидоны и Энея». «Было два обстоятельства. Первое из них — цикл стихотворений Анны Ахматовой о Дидоне и Энее. Она написала их после расставания с любимым. Себя она представила Дидоной, а того человека — этаким Энеем <...> Второе, что более или менее навело меня написать это стихотворение, стала опера Генри Пёрселла «Дидона и Эней» <...> Здесь идет речь о любви и о том, что есть предательство в любви» [5, с. 26—27].

Тема «предательства в любви» открывала для И. Бродского возможность переосмысления прежних неоднозначных отношений с Мариной Басмановой, которой поэт посвятил книгу стихов «Новые стансы к Августе», а также в 1981 году «Горение», позже вошедшее в вышеуказанный сборник.

В бродсковском стихотворении разговор лирического героя с пляшущими языками огня и проглядывание в их бликах образа прежней возлюбленной, обыгрывает ситуацию встречи Энея с Дидоной, превратившейся в царстве теней в призрак.

В культуре Дидона имеет как минимум три важные ипостаси, центрирующие понимание ее мифологемы. Первая и основная — героиня «Энеиды» Вергилия, не прощающая Энея и остающаяся непримиримой, даже став тенью. Вторая ипостась Дидоны — упоминание Данте ее имени в кругу Ада среди сладострастников. Третья культурная составляющая мифологемы Дидоны реализована в опере Генри Пёрселла.

Вергиливая «Энеида» знает три узловых момента взаимоотношений Энея и Дидоны. Первый — прибытие троянского героя в Карфаген, где он гостеприимно принят царицей и вскоре становится ее возлюбленным:

Принят Дидоной он был и ложа ее удостоен [6, с. 68].

Кульминация этой ситуации — иступленная страсть, охватившая обоих. Второй виток — покинутая Дидона, не переубедившая Энея отказаться от

своего предначертания ради ее любви, не может пережить предательства и совершает самоубийство, восходя на костер. Заключительной стадией становится встреча Энея с Дидоной в царстве теней, где карфагенская царица, вопреки энеевым словам к ней обращенным, не устаивает прежнего возлюбленного взглядом:

*«Стой! От кого ты бежишь? Дай еще на тебя поглядеть мне!
Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой позволяет».*
— Речью такую Эней царице, гневно глядевшей,
Душу старался смягчить и вызвать ответные слезы.
Но отвернулась она и глаза потупила в землю... [6, с. 116]

Вергилиевский вариант подразумевает непреодолимость расстояния между бывшими любовниками. При этом встреча Энея и Дидоны в царстве теней способствует энееву самопознанию.

Все три поворота в судьбе Дидоны, описанные Вергилием, своеобразно преломляются в бродсковском «Горении». Женский образ наделяется иступленной страстью, память о которой хранит лирический герой, невзирая на годы разлуки и взаимной отдаленности. Костер, на котором сожгла себя Дидона, становится связующим звеном между огнем в камине и ожившим воспоминанием о прежней любви. Но не менее значим отказ Дидоны поднять глаза на Энея в царстве теней.

Как подчеркивает В. Топоров, «у Энея с Дидоной — полное разъединение <...> Встреча обернулась невстречей, а со стороны Дидоны — отталкиванием и вторым, уже ею предпринятым разрывом» [18, с. 32]. В стихотворении И. Бродского принципиально сопровождающее встречу после разлуки («мы снова наедине») молчание женской ипостаси, проглядывающей в огне.

*Я всматриваюсь в огонь.
На языке огня раздается «не тронь» и
вспыхивает «меня!» [3, с. 29]*

Лирическое послание «Горение» дает возможность прочтения кода Дидоны в характерологическом, символическом и эротическом ключе. По замечанию Г. Башляра, «человеческое тело наводит на мысль о точках огня» [1, с. 120]. Телесность и самосгорание Дидоны наделяют ее мифологему амбиволетным характером, способствующим смыслопорождающему потенциалу. В эссе «Секс и страх» П. Киньяр замечает: «Быть желанной без конца — значит быть ценностью, которую ничто не может

уменьшить. <...> Это сцена Вергилия, в которой Эней находит в аду Дидону..» [8, с. 62]. Призрак Дидоны, утративший всякую телесность, в своей укоризне, отказе примирения и прямого взгляда стремится к доминирующей роли в судьбе Энея, пусть даже посмертной и негативной. Отсутствием прощения Дидона сохраняет свою важность для Энея.

В лирическом послании И. Бродского предельно подчеркивается пассионарный, неиствующий характер женской ипостаси, а ее сдерживаемый гнев и отсутствие прямого взгляда оказываются сродни дидонову пылкому негодованию:

*может открыться взор,
способный испелить* [3, с. 29].

В семантическом поле концепта «горение» дым от пламени, как задающий эротические коннотации, так и обыгрывающий тему устремленности к трансцендентальным силам жертвенного огня, оборачивается дымом от погребального костра карфагенской царицы:

*Пылай, полыхай, греши,
захлебывайся собой.*

<...>

*Тот, кто сверху еси,
да глотает твой дым!* [3, с. 30]

В ментальном универсуме И. Бродского Дидона наделяется статусом персонифицируемой страсти. «Встреча» с призраком прежней возлюбленной, обретающей ипостась Дидоны, воплощающей эротическое начало и жертвенность, неизменно переживаются лирическим героем «Горения» каждую зиму.

Пылай, пылай предо мной,

<...>

*пламя еще одной
зимы! Я узнаю* [3, с. 29].

На античные ассоциации, столь важные для И. Бродского, накладываются не менее значимые, связанные с «Божественной комедией» Данте. С помощью интертекстуальных отсылок расширяется смысл образов и метафор стихотворения. Холод зимы, в котором пребывает лирический герой, оборачивается не только ощущением одиночества, но и холодом Дантового «Ада».

Присутствие Дидоны среди сладострастников свидетельствует о принципиальном продолжении автором «Божественной комедии»

вергилиевской линии в истолковании «злосчастной» судьбы царицы Карфагена. Данте посмертно разъединяет неприкаянную «сладострастницу» Дидону и Энея — прародителя Рима и Италии — соответственно праведника в дантовом мироустройстве. Аллюзии на «Божественную комедию» расширяют смысловой потенциал бродского концепта «горение». Трагичность участи и Дидоны, и вспоминающего прошлое, глядя на огонь, в том, что они неизбежно замкнуты в своей страсти и за это извечно несут наказание.

Новый смысловой обертон истолкованию темы Дидоны и Энея в художественном сознании И. Бродского задает любовь поэта к опере Генри Пёрселла «Дидона и Эней». В рецензии «Remember her» 1995 года И. Бродский, представляя рецепцию двух постановок «Dido and Aeneas», излагает историю своего первоначального знакомства с пёрселловской оперой «на пластинке, присланной ему в подарок из Англии» [12, с. 127]. По словам самого поэта, «получатель подарка слушал пластинку месяц за месяцем, пока не понял, что знает ее наизусть» [12, с. 127].

Согласно оперной трактовке мифа скорбно «прощание Дидоны с Энеем. Троянец готов остаться, но Дидону ничто не может утешить. Она не верит в его любовь и кончает жизнь самоубийством» [7, с. 126]. Пёрселловская Дидона предстает жертвенной и восходящей на костер, но до конца сохраняющей доброе чувство к Энею. Слова арии пёрселловской Дидоны прочно соотносят ее образ с темой памяти.

Более того, в восприятии поэта именно эта ария становится духовным и смысловым центром всей пёрселловской оперы. Достаточно вспомнить следующее высказывание И. Бродского: «Там есть известная ария, ее поет Дидона, которая звучала столь проникновенно, волнующе, такое в ней было отчаяние. Я вспоминаю об этом, когда Элизабет Шварцкопф поет «Помни меня». Совершенно невероятное звучание» [5, с. 27].

Принципиально для концепта «горение», что героиня оперы не наказывает Энея памятью о себе: «Remember me, but ah! Forget my fate» / «Помни меня, но ах! Забудь мою судьбу», а хочет продолжить свою жизнь в воспоминаниях возлюбленного. Для И. Бродского, которому была столь близка опера «Dido and Aeneas», с мифологемой Дидоны соотносится заклятие стать неизбежным воспоминанием покинувшего ее Энея.

Лирический герой в поэтическом мире И. Бродского в ситуации разлуки исподволь отождествляет женский образ с ипостасью карфагенской

царицы, завещавшей помнить о ней. В подтексте «Горения» Дидона, проступающая в призраке возлюбленной, призывает подчиниться страсти вопреки сужденной свыше судьбе.

Огонь, горящий в камине, актуализирует воспоминания о прежней любви и сложности отношений. Пламя, воскрешая зыбкий образ адресата, в то же время разрушает его принципиальную четкость, вопреки заданному посвящению (М. Б.). Устремленность лирического героя к новому переживанию своих чувств оборачивается эфемерным преодолением разъединенности и осознанием болезненности и невозможности воссоединения.

В семантическом поле концепта «горение» огонь символизирует не только одержимость страстью, вдохновение, но и сгорание как вспоминающего, так и мира его памяти.

Перспективы дальнейшего исследования определяет возможность последующего выявления принципов концептуализации и изучения других концептов в метальном универсуме И. Бродского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башляр Г. Психоанализ огня / Г. Башляр ; [пер. с франц. Н. Кислова]. — М. : Прогресс, 1994. — 176 с.
2. Бобякова И. В. Мир глазами одной метафоры: «Горение» И. Бродского / И. В. Бобякова // Пристальное прочтение Бродского : [сб. статей] / [под ред. В. И. Козлова]. — Ростов-на-Дону : Логос, 2010. — С. 56- 63._
3. Бродский И. А. Горение / И. А. Бродский // Собр. соч. : в 7 т. Т. 3 / [сост. Г. Ф. Комаров]. — СПб. : Пушкинский фонд, 2001. — С. 29-31.
4. Бродский И. Примечание к комментарию / И. Бродский // Собр. соч. : в 7 т. Т. 7 / [общ. ред. Я. А. Гордин]. — СПб. : Пушкинский фонд, 2001. — С. 179- 202.
5. Бродский И. Муза в изгнании : [интервью Анн-Мари Брам для журнала «Mosaic. A Journal for the Comparative Study of Literature and Ideas» 1974 г.] / И. Бродский // Иосиф Бродский : Большая книга интервью ; [сост. и коммент. В. Полухина]. — М. : Захаров, 2000. — С. 24- 46.
6. Вергилий. Энеида / Вергилий Публий Марон ; [пер. с лат. С. Ошерова] ; Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия / [пер. с лат. и примеч. Н. Федорова] // Энеида. Поэзия, мифология / [под ред. Ф. Петровского]. - М. : Лабиринт, 2001. — С. 5- 259.
7. Гозенпуд А. А. Дидона и Эней (Dido and Aeneas) / А. А. Гозенпуд //

- Оперный словарь. — СПб. : Композитор, 2005. - С. 126- 127.
8. Киньяр П. Секс и страх : [эссе] / П. Киньяр ; [пер. с франц. И. Волевич]. - СПб. : Азбука-классика, 2007. — 256 с.
 9. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. - М. : Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
 10. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества. — СПб. : БЛИЦ, 1999. — С. 147-165.
 11. Лосев Л. Иосиф Бродский : Опыт литературной биографии / Л. Лосев. — М. : Молодая гвардия, 2008. — 447 с.
 12. Петрушанская Е. М. Музыкальный мир Иосифа Бродского / Е. М. Петрушанская. — СПб. : Звезда, 2007. — 360 с.
 13. Полухина В. Иосиф Бродский. Жизнь, труды, эпоха / В. Полухина. — СПб. : Звезда, 2008. — 528 с.
 14. Полухина В. П. Больше самого себя. О Бродском / В. П. Полухина. — Томск : ИД СК-С, 2009. — 416 с.
 15. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 176 с.
 16. Ранчин А. На пиру Мнемозины. Интертексты Иосифа Бродского / А. Ранчин. - М. : НЛЮ, 2001. — 464 с.
 17. Степанов Ю. С. Концепт / Ю. С. Степанов // Константы : Словарь русской культуры. — М. : Академический Проект, 2004. — С. 42- 83.
 18. Топоров В. В. Эней человек судьбы / В. В. Топоров. — М. : Радикс, 1993. — Ч. 1. - 208 с.
 19. Чернявская Д. С. А. С. Пушкин и И. Бродский как проблема современной литературной герменевтики / Д. С. Чернявская // Автор - твор - читач : [зб. наук. праць] / [ред. кол. б. М. Черноіваненко, Н. М. Шляхова, М. В. Пашенко]. — Одеса : Астропринт, 2012. — С. 135- 145.
 20. Шайтанов И. Уравнение с двумя неизвестными: Поэты- метафизики Джон Донн и Иосиф Бродский / И. Шайтанов // Компаративистика и / или поэтика : Английские сюжеты глазами исторической поэтики. — М. : РГГУ, 2010. - С. 238- 274.

Стаття надійшла до редакції 3 березня 2014р.